Юревич Андрей Владиславович
доктор психологических наук,
член-корреспондент РАН,
зам. директора Института психологии РАН.
Тел. 682-12-24,
yurevich@psychol.ras.ru

ПАРАНАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Ренессанс паранауки

Проблема взаимоотношений науки и паранауки неожиданно встала с новой остротой в начале XXI в., когда человечество, окружив себя компьютерами и другими техническими изобретениями, обеспечив себе комфортный быт *на основе научного знания*, казалось бы, давно оставило во мраке веков всевозможные формы мракобесия[1].

Паранаука переживает подлинный ренессанс, причем и в тех культурах, которые всегда славились рациональностью и прагматизмом. В конце 70-х гг. прошлого века известный канадский физик К. Саган писал: «Сейчас на Западе (но не на Востоке) наблюдается возрождающийся интерес к туманным, анекдотичным, а иногда и подчеркнуто ложным доктринам, которые, если бы были правдивыми, создали бы более интересную картину вселенной, но, будучи ложными, выражают интеллектуальную неаккуратность, отсутствие здравомыслия и траты энергии в ненужных направлениях» [2, p. 247][2]. По его мнению, их популярность выражает активность наиболее примитивных – лимбических – структур мозга, находящую проявление в «стремлении заменить эксперименты желаниями» [2, p. 248]. В конце 80-х гг. на «родине» Силиконовой Долины – в штате Калифорния – профессиональных астрологов было больше, чем профессиональных физиков [3]. А в 90-е гг. астрологические прогнозы печатали 90 % американских газет, в то время как материалы, посвященные науке и технике, – лишь 10 % [3].

Паранаука нашла благодатную почву и в современной России. А.Г. Ваганов констатирует, что сейчас «удельный, если так можно сказать, уровень “мракобесия”, что в США, что в ЕС, что в России, примерно одинаковый» [4, с. 66][3]. Это выглядело абсолютно невозможным еще совсем недавно,

[1] В этой связи уместно вспомнить мысль о том, что «варварство неизменно оставалось спутником, оборотной стороной цивилизации» [1, с. 68], цивилизация и варварство цикличны, развитие цивилизации не исключает «откатов» к варварству и т. п.

[2] Образцы подобных доктрин, перечисляемые К. Саганом: астрология, учение об аурах, парапсихология, мистицизм и т. п.

[3] Вместе с тем, справедливо отмечается, что «псевдонаука всех мастей широко распространена и на Западе, но там ей противостоят хорошо организованная научная общественность и активная пропаганда достижений реальной науки в средствах массовой информации» [5, с. 9]. Т. е. разница в «уровне мракобесия»

когда на пути эзотерики стояли твердый и казавшийся незыблемым материализм советского обывателя и неусыпная бдительность советских идеологов, а любой возомнивший себя колдуном или прорицателем рисковал оказаться если не на костре, как его средневековые предшественники, то, как минимум, в учреждении для психически больных. По данным, которые приводят СМИ, в нашей стране сейчас насчитывается более 300 тыс. астрологов, экстрасенсов, колдунов, прорицателей и прочей подобной публики[4], а их гонорары совершенно несопоставимы с доходами ученых, разве что с Нобелевской премией. Согласно результатам социологических опросов, в уфологические, астрологические, паранормальные мифологемы сейчас верит около 80 % россиян [4]. На нашем телевидении существует множество программ, посвященных астрологам, колдунам, экстрасенсам и иже с ними. Рекламы соответствующих услуг – «сниму порчу», «приворожу любовника», «верну мужа за полчаса» и др. – помещают многие наши газеты. В книжных магазинах напротив секций философской или социологической литературы располагаются секции литературы астрологической. И даже когда читаешь такое уважаемое издание, как «Аргументы и факты», возникает впечатление, что наука вообще не нужна: достаточно отправить на Тибет экспедицию «профессора Мулдашева», который найдет там и пришельцев из космоса, и снежного человека, и средство для обеспечения бессмертия, и вообще все, что угодно.

Паранаука сейчас пронизывает все сферы нашей жизни, причем и те, которые традиционно считались наиболее близкими к науке и строго рационалистическими. Агентство «Роспатент» (теперь эта организация переименована), например, выдавало патенты с такими названиями, как «Симптоматическое лечение заболеваний с помощью осиновой палочки в момент новолуния для восстановления целостности энергетической оболочки организма человека» (патент 2083239) («А почему не осинового кола?» – резонно вопрошают описывающие подобные патенты Ю. Н. Ефремов и Р. Ф. Полищук [6, с. 108]), «Устройство для энергетических воздействий с помощью фигур на плоскости, генерирующих торсионные поля» (патент 2139107), «Преобразование геопатогенных зон в благоприятные на огромных территориях путем использования минералов положительного поля» (патент 2139107), «Установление факта смерти пропавшего без вести человека по ранее принадлежавшей ему вещи» (патент 2157091)[5].

между современным российским и западным обществом все же есть, и она не в нашу пользу.

[4] Для сравнения: профессиональных ученых – 400 тыс., т. е. колдунов и т. п. у нас почти столько же, сколько ученых, что достаточно точно передает уровень рационализма современного российского общества.

[5] Ю.Н. Ефремов и Р.Ф. Полищук пишут, что «мошенники, особенно патентованные, а также средства массовой информации, систематически распространяющие заведомо ложные сведения, наносящие урон здоровью граждан, должны подвергаться судебному преследованию; чиновники, выдающие патенты, подобные описанным выше, должны штрафоваться и увольняться. Долг законодателей – оградить избравших их граждан от недобросовестных “целителей”, вредных или бесполезных снадобий» [6, с. 109]. Однако пока соответствующий

Подобные патенты не пылятся без употребления. Так, например, «метод», воплощенный в последнем из них, был взят на вооружение Министерством по чрезвычайным ситуациям, по заказу которого в 1995 г. 127 экстрасенсов в течение двух недель искали пропавший под Хабаровском самолет, который затем нашли через несколько часов с помощью более традиционного метода – радиолокационной системы ПВО [6]. Отмечается, что «Околонаучные шарлатаны обманывают бизнесменов и государственные предприятия, обещая им тепловые приборы с КПД 150, 300 и даже 1000 процентов! Конкретная цифра зависит от наглости “авторов”, а нарушение закона сохранения энергии их не смущает» [5, с. 5]. Большое распространение получили и псевдомедицинские “энергоинформационные” приборы, например основанные на якобы существующем феномене “памяти воды”, такие как “Репринтер” – “медицинский прибор для энергоинформационного переноса”» [7].

В общем, как констатирует В.Л. Гинзбург, «шарахнулся народ от науки к чудесам» [8, с. 53], а «лженаука[6] во всех своих мыслимых и немыслимых обличьях свободно гуляет по России» [5, с. 5].

Лженаука в современной России – это не просто некая «аномальная зона», а мощнейшая индустрия, широко использующая СМИ, имеющая прочные связи с сильными мира сего, опирающаяся на развитую систему пиара и подкрепляемая обильными финансовыми потоками. Справедливо отмечается, что «современное околонаучное шарлатанство стало системным явлением, по большей части организованным, имеющим свои фирмы, центры и даже “академии” [5, с. 5]. Известно, что астрологи и экстрасенсы пользовались большой поддержкой первого Президента России (страны, запустившей первого в мире космонавта!), а также таких ведомств, как Министерство обороны, «астрологические прогнозы используются при выработке государственных решений, включая вопросы войны и мира» [9, с. 25]. Исследователи этой проблемы пишут о том, что при культурном центре Вооруженных сил РФ существует «Центр научной астрологии» [10], а также что «добралась астрология и до правоохранительных органов» [10, с. 120]. А ныне пребывающий в местах не столь отдаленных Г. Грабовой – кстати, академик многих «академий» и многократный «доктор наук» – читал лекции в Министерстве по чрезвычайным ситуациям и консультировал Совет безопасности РФ. В результате отнюдь не беспочвенны алармистскими утверждения о том, что «сегодня лженаука – это не просто прибежище безобидных маргиналов от науки, это реальная опасность для науки, образования, и тем самым – для общества в целом» [9, с. 16], а «процветание лженауки в современной России потенциально опасно для всего мира» [11, с. 132] уже хотя бы потому, что «Министерство обороны консультируют астрологи» [11, с. 132].

закон так и не принят, среди «патентованных мошенников» наказан один лишь зарвавшийся сверх меры Г. Грабовой, и, естественно, не оштрафован и не уволен ни один из дающих такие патенты чиновников.

[6] В данной статье термины «паранаука», «лженаука», «псевдонаука», «эзотерика» и др. используются как синонимы, хотя их строгий смысл несколько различается.

Расцвет паранауки в современной России имеет, помимо интернациональных, и собственно российские причины, связанные с состоянием современного российского общества. Исследователи проблемы пишут: «Это и дикий российский капитализм, у которого нет ни чести, ни совести, а лишь один только чистоган. Это и остатки советского менталитета, когда большинство людей с уважением относились к словам "наука", "ученый"; в массе своей доверяли телевидению и газетам, – а ныне средства массовой информации падки именно на лженауку. Это и мировоззренческий вакуум, образовавшийся в результате кризиса советской идеологии, вакуум, в который пестрой толпой устремились всякого рода шарлатаны, целители, "спасители" и просто мошенники в надежде "продать" потерявшим ориентацию и уверенность в себе людям ту или иную небылицу и заведомую ложь» [5, с. 3]. Е.Б. Александров основными причинами «вакханалии лженауки в России» [9, с. 17] считает: 1) системный общественный кризис, сопровождаемый снижением престижа науки и образования[7], 2) массовую утрату общественных ориентиров; 3) устранение цензуры[8], ранее не допускавшей пропаганду религии и оккультизма; 4) рассекречивание лженаучных «изысканий», ранее проводившихся во множестве закрытых НИИ в условиях полной изоляции от мировой науки; 5) безоглядную веру в чудо, как ни странно, подогревающуюся популяризацией достижений советской науки; 6) стремление самих ученых, потерявших некогда щедрое государственное финансирование, к приданию результатам своих исследований сенсационного характера и их распространению посредством СМИ [9, с. 17]. Е.Д. Эйдельман выделяет такие причины «появления современных псевдоученых» [12, с. 83], как: 1) гордыня, 2) плохое образование и нежелание это образование пополнить, 3) аберрация популяризации – «восприятие простоты, да и просто ошибок популярного изложения как отражения реального состояния науки» [12, с. 83]. Трудно не заметить и то, что «особенностью этой лженаучной эпопеи является ее выраженный коммерческий уклон, что для лженауки прошлого не слишком характерно –раньше побудительным мотивом была скорее слава, чем деньги» [12, с. 24]. Справедливо отмечается, что «лженаука может соперничать с подлинной наукой только в двух случаях –при поддержке тоталитарного государства (как это было с лысенковщиной при Сталине или с теорией "мирового льда" при Гитлере) или при катастрофическом падении престижа науки в обществе (последнее

[7] Это обстоятельство подчеркивают многие, в том числе и Нобелевский лауреат В.Л. Гинзбург: «где принижается, третируется наука, там открывается дорога лженауке» [8, с. 49], т. е. между наукой и лженаукой существуют реципрокные отношения. Он же констатирует в нашем обществе «бесправие науки и множество шлюзов, открытых для невежества и мракобесия» [8, с. 49].

[8] Отметим в этой связи, что естественная ненависть к цензуре, характерная для советских времен, сейчас постепенно сменяется тоже вполне естественными призывами ее восстановить. И действительно, цензура цензуре рознь. В частности, следует различать, например, идеологическую и нравственную цензуру, чего мы почему-то до сих пор не научились делать. Цензура имеется во всех демократических странах, а абсолютно «всеядное» общество, существующее при полном отсутствия цензуры, трудно себе представить.

происходит сейчас в нашей стране)» [11, с. 132]. А В.Г. Федотова рассматривает расцвет паранауки в более широком социальном контексте, подчеркивая, что «поражение интеллигенции на общенациональном рынке культуры и торжество здесь масс, порвавших (прямо по М. Бакунину) с “чуждой интеллигентской культурой” в период анархического порядка 90-х, на наш взгляд, сформировало социальный заказ масс на предельно упрощенные формы массовой культуры» [13, с. 796]. В этот социальный заказ паранаука вписывается куда органичнее, чем наука трезвого вида, которая подчас воспринимается как форма отнюдь не массовой интеллигентской культуры, к тому же пожирающая массу денег.

Стоит отметить и еще одну причину, сколь специфическую, столь и характерную для современной России. Наше Министерство образования и науки, у которого с начала 90-х значительная доля энергии уходит на борьбу с РАН, почему-то видит основное препятствие развитию отечественной науки не в лженауке, а в этой Академии. В то же время оно располагает немалыми возможностями борьбы с лженаукой – в виде соответствующего построения школьного и вузовского образования, учебных курсов и кинофильмов, демонстрирующих истинный характер паранауки, и т. п. Однако то, что в былые годы именовалось «выработкой научного мировоззрения», явно не входит в приоритеты Министерства – в отличие от вышеупомянутой тяжбы с Академией, у которой, конечно, есть много недостатков, но они все же несопоставимы с вредом, наносимым нашему обществу лженаукой.

Еще труднее понять позицию в отношении паранауки нашей государственной власти. Если оккультные явления действительно существуют (представим такое как чисто логическую возможность), если возможно насылать порчу, зомбировать людей и т. д., то власти необходимо поставить под контроль личности, обладающе соответствующими способностями. (В таком случае, возможно, следовало бы пересмотреть и отношение к средневековой инквизиции как охотившейся на *реальных*, а не мифических ведьм.) Если же все это вымысел, то соответствующие люди – просто мошенники, и к ним надлежит применять – повсеместно, а не выборочно – статью о мошенничестве УК. Однако власть предпочитает вообще не реагировать на это новое явление в нашем обществе, относя его к тем многочисленным «теневым сферам» нашей жизни, в которые власть не вмешивается.

Парадоксально, что и наука невольно внесла свой вклад в возрождение, казалось бы, давно побежденных ею иррациональных верований. Она породила *гипотезы* – о существовании биополей, о возможности экстрасенсорного восприятия, о влиянии космоса на организм человека и т. д., которые уверенно используются астрологами и экстрасенсами в качестве *объяснительных принципов*. Очень симптоматично, что ключевые термины паранауки – поле, энергия, информация – позаимствованы ею у науки. Наука подала ей и пример социальной организации: сообщества магов и колдунов явно моделируют основные способы организации и иерархизации научного сообщества, создавая свои институты[9], ассоциации и академии, присваи-

[9] Здесь трудно не вспомнить НИИЧАВО – Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства, блестяще и, как теперь выяснилось, прозорливо описанный братьями Стругацкими в романе «Понедельник начинается в субботу».

вая себе ученые степени докторов парапсихологии или магистров белой и черной магии, прибегая к прочим формам самоорганизации, характерным для научного сообщества. А главное, именно наука своими открытиями, регулярно разрушающими привычное мировосприятие, внушила массовому сознанию, что в принципе *все возможно*[10]– даже то, что совсем недавно казалось абсолютно нереальным[11]. В результате, один из парадоксов современной цивилизации состоит в том, что чем быстрее и успешнее развивается наука, тем чаще ломаются привычные схемы мировосприятия, тем меньше у массового сознания остается стабильных точек опоры, а значит, тем большие возможности открываются перед паранаукой.

Следует отметить и то, что и в быту представители паранауки широко используют достижения рациональной науки и вообще проявляют себя как последовательные «материалисты». Это выражается не только в их повышенном интересе к деньгам (мага или колдуна, оказывающего оккультные услуги бесплатно, трудно себе представить), но и в том, что они окружают себя предметами, воплощающими в себе достижения науки, – ездят на автомобилях, летают на самолетах, пользуются компьютерами, выступают по телевидению, а не общаются экстрасенсорным путем и не перемещаются в пространстве с помощью телепортации. Подобные парадоксы проявляются и в деятельности наших СМИ: например, по телевидению, созданному на основе физического знания, показывают астрологов и экстрасенсов, а физиков, наоборот, не показывают. Аналогичные противоречия воспроизводятся – в терминах психологической науки – в выраженном «когнитив-

---

Прозорливость этого научно-фантастического романа поистине удивительна. В образной и очень яркой форме в нем блестяще предсказаны, как минимум, три явления, очень характерные для современной России. Во-первых, некие подобия НИИЧАВО – Научно-исследовательскому институту чародейства и волшебства, равно как и представленный в нем способ институционализации паранауки, в нынешней России наблюдаются повсеместно. Во-вторых, в Отделе оборонной магии в том же НИИЧАВО можно усмотреть прообраз активного использования нашими силовыми структурами астрологов и экстрасенсов. В-третьих, кадавр-потребитель, который в романе Стругацких непрерывно ест, выглядит прообразом представителя общества потребления, тоже ставшего очень характерным для современной России.

[10] Вместе с тем, наука накладывает и ограничения на область возможного, например, с помощью таких законов, как закон сохранения энергии, которые так называемые «энерготерапевты» предпочитают игнорировать. Напротив, кредо паранауки – «возможно абсолютно все». В этом состоит одна из причин ее привлекательности для обывателя, в особенности воспитанного на псевдолиберальной идеологии и органически не приемлющего каких-либо запретов. Научная деятельность тоже предполагает определенные нормы [14], а стало быть, и запреты на то, что является их нарушением. Паранаука, хотя и имитирует некоторые приемы научного познания, абсолютно свободна в выборе его «средств», чем тоже намного удобнее личностям, не желающим соблюдать какие-либо нормы.

[11] В частности, в нем прочно отложилась история о том, как в свое время Парижская академия наук наотрез отказалась обращать внимание на сообщения о падающих с неба камнях, поскольку в те годы это казалось невозможным.

ном диссонансе» всего нашего общества, в котором школьное образование строится на основе вполне материалистических учебников, а массовое сознание напичкано всевозможными паранаучными мифологемами. В школе, например, наших детей учат, что средневековая инквизиция сжигала на кострах невинных людей по обвинению в колдовстве, что было абсурдным, поскольку колдунов не существует, а, придя домой, эти дети включают телевизор, по которому им показывают ведьм и колдунов. Такое состояние общества некоторые психиатры называют массовой шизофренией.

«Ренессансу» паранауки способствовали и события, происходящие внутри научного сообщества. В частности, либерализация некогда очень строгих правил производства научного знания и распространение идеологии постмодернизма, которая принесла с собой легализацию самых разнообразных систем познания, в том числе и непохожих на традиционную науку, толерантное отношение к ним, чем не преминула воспользоваться паранаука.

Справедливости ради надо отметить, что наука и паранаука, хотя очень непохожи друг на друга (вынесем «за скобки» отчетливо выраженную тенденцию современной паранауки мимикрировать под науку), но не вполне антагонистичны, а, скорее, как куновские парадигмы, «несоизмеримы» друг с другом. Как отмечает Е.Б. Александров: «Лженаука сопутствует науке с начала появления последней и не обнаруживает никаких тенденций к увяданию… Коренясь в свойствах человеческой природы, лженаука, по-видимому, так же принципиально непреодолима, как преступность или наркомания» [9, с. 28]. Напомним, что в разгар компьютерной революции в ее цитадели – в штате Калифорния – профессиональных астрологов было больше, чем профессиональных физиков. Однако это не мешало физикам работать и не воспрепятствовало компьютерной революции, плодами которой, впрочем, умело воспользовались те же астрологи, рассылающие теперь свои прогнозы по Интернету, а также экстрасенсы и колдуны, заманивающие клиентуру с помощью сайтов.

Взаимоотношения науки с паранаукой напоминают взаимоотношения науки с религией, которые в истории человечества редко принимали характер антагонизма и еще реже порождали «войны на уничтожение»[3]. Тем не менее и толерантное (точнее, высокомерно-толерантное: существу[12] , и ладно) отношение к паранауке может науке дорого стоить, причем в прямом, т. е. в денежном, смысле слова. В нынешней России, например, вышеупомянутые 300 тысяч колдунов поглощают обильные финансовые потоки, которые могли бы питать науку и базирующуюся на ней практику. К тому же переориентация нашего общества с ученых на колдунов неизбежно оборачивается его охлаждением к науке, что, в свою очередь, сказывается на со-

---

[12] В частности, как отмечает Ф. Фукуяма, «ни в Северной Америке, ни в Азии рост образованности и научной грамотности не приводил к упадку религиозности» [15, с. 88]. Несмотря на то, что, как хорошо известно, наука берет на себя целый ряд функций, характерных для религии: «Наука в секуляризованном мировоззрении в значительной мере стала играть роль религии, способной дать окончательный и безусловный ответ на все коренные проблемы устройства мира и человеческого бытия» [21, с. 416].

стоянии самой науки. В результате вера в эзотерику приобретает большой экономический вес и выглядит как «голосование кошельком» – не за науку, причем чем беднее страна, тем разрушительнее сказываются на науке результаты такого «голосования».

Следует признать, что российская культура и в прежние времена регулярно проявляла свой иррационализм, подчас воинственно отторгая прежний рационализм западного общества. «Нам навязали чужеземную традицию, нам швырнули науку», – сетовал А.И. Герцен [16, с. 124]. «Для нас это [западная рациональность. – *А.Ю.*] – чужое платье, которое мы продолжаем носить по недоразумению», – негодовал Н.И. Кареев [17, с. 176]. «Аксакова не устраивало то, что в рамках западного рационализма “все формулируется”, “сознание формальное и логическое” не удовлетворяло Хомякова, “торжество рационализма над преданием”, “самовластвующий рассудок”, “логический разум”, “формальное развитие разума и внешних познаний” гневно порицались Киреевским» [18, с. 70]. И.А. Ильин усматривал в рационалистической западной науке «чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков»[13] [19, с. 440]. Для российских мыслителей «рационализм был ассоциирован с эгоизмом, с безразличием к общественной жизни и невключенностью в нее» [20, p. 12]. И поэтому закономерно, что «бунт против картезианства» [20, p. 303] – основы и выражения западного рационализма – состоялся именно в России, породив противопоставленный ему «мистический прагматизм» – «взгляд на вещи, основными атрибутами которого служат неразделение мысли и действия, когнитивного и эмоционального, священного и земного» [20, p. 304].

Историческая цепочка: 1) русская (досоветская) философия, поставившая во главу угла нравственные, а не материальные проблемы, характерные для философии западной; 2) марксистская философия, при всей ее декларативной материалистичности, основанная на не-онтологическом мышлении[14], создававшая откровенно искаженные образы реальности и порождавшая мифы, подобные мифу о коммунизме; 3) паранаука, – выражает три последовательные и связанные между собой проявления нерационалистичности российской культуры и заключенного в ней скрытого (а иногда и открытого) мистицизма. Еще более иррациональны мы в своем *поведении* – как в политическом – то устраивая разрушительные революции, то голосуя за личности, за которых истинно рациональный человек не проголосовал бы ни при каких обстоятельствах, так и в обыденном – совершая поступки, непонятные для представителей рациональных культур. Поэтому неудиви-

[13] Отметим, что это весьма необычное восприятие западной науки, традиционно связываемой не с католической, а с протестантской культурой.

[14] Э.М. Свидерски, например, отмечает, что советская социогуманитарная наука «была не только защищена от “опыта”, но и безразлична к нему» [22, с. 137], а «советские философы работали в сфере чистой текстуальности. Просто поразительно, как мало они обращали внимания на окружавший их жизненный мир» [22, с 141]. Симптоматично и то, что эмпирическая социология начала у нас свободно развиваться лишь в конце 1980-х гг.

тельно, что, как только были сняты прежние запреты, иррационализм пышным цветом расцвел в нашей стране, создав благодатную среду для паранауки.

2. Пограничная «территория»

Если в социальном (отношение общества к науке и др.) контексте от ренессанса паранауки страдает вся наука, то когнитивное воздействие первой зависит от особенностей той или иной научной дисциплины. И в этом плане особое положение занимает такая наука, как психология, оказавшаяся на «пограничной территории» между наукой и паранаукой. История науки и всего, что к ней примыкает, свидетельствует о том, что паранаука, как правило, паразитирует на «неустоявшихся» научных дисциплинах, которые еще не достигли достаточной «твердости» научного знания, а значит, не прочертили четких границ, отделяющих его от псевдо- и пара- «знания».

Разные научные дисциплины в различной степени защищены от экспансии паранаучных представлений, и эта защищенность естественным образом коррелирует со степенью их «твердости»[15], наличием единой парадигмы, разделяемых всем дисциплинарным сообществом критериев адекватности знания и т. д. Справедливо отмечается, что необходимые и достаточные признаки истинности и ложности научных открытий особенно четко формулируются в области точных наук, в частности в физике [9], что, впрочем, и здесь не создает непреодолимых препятствий эзотерике. А к наименее защищенным в данном плане дисциплинам принадлежат такие науки, как психология, не обладающие сколь-либо устоявшейся системой дисциплинарного знания, общеразделяемыми основаниями его построения и способами проверки [23]. Это создает благоприятные возможности для встраивания элементов паранаучного знания, подобно тому, как внутренняя нестабильность государств создает благоприятные условия для внешних вторжений.

Вместе с тем, психология в плане «мягкости» и неотработанности внутридисциплинарного знания и, соответственно, его незащищенности перед внешними вторжениями мало отличается от других социогуманитарных наук. Поэтому закономерен вопрос о том, почему паранаука предпочитает паразитировать на психологии, а, скажем, не на филологии[16]. Отвечая на него, можно назвать различные причины, например ту, что представители

---

[15] В науковедческом смысле слова, предполагающем разделение всех наук на «твердые» – естественные и технические, и «мягкие» – социальные и гуманитарные.

[16] Справедливости ради надо отметить, что паранаука активно паразитирует и на других науках. В наших книжных магазинах в отделах литературы по философии можно увидеть такие книги, как «Домашняя магия», «Пророчества Нострадамуса», «Гадание по системе Таро» и т. п. [24]. Вообще же отмечается, что удельный вес духовно-просветительских, душеспасительных и эзотерических изданий в потоке отечественной литературы по социальным и гуманитарным наукам составляет примерно 25 %, причем особенно значителен ее удельный вес в потоке переводной литературы [24].

паранауки, профессионально распространяющие всевозможную кабалистику, в быту, как правило, являются людьми вполне материалистичными, чувствующими не только ауры, но и направления финансовых потоков. На филологии много не заработаешь, психологические же проблемы имеются у каждого, в том числе и у тех, у кого есть деньги, поэтому паранауку куда в большей степени влечет к психологии, чем к филологии. Кроме того, чтобы паразитировать на филологии, нужно, как минимум, уметь читать и хоть немного разбираться в текстах, что ставит на пути многих потенциальных параученых непреодолимые барьеры, в то время как специалистом по психологии может прослыть любой обладающий психикой.

Здесь открывается еще один, возможно, самый главный канал проникновения паранауки в психологию, вследствие существования которого она всегда открыта для паранаучных вторжений. Этот канал цементирован обыденным опытом, имплицитно входящим в структуру любого психологического знания и составляющим основу любых действий, совершаемых профессиональными психологами. В принципе, любой человек является «наивным ученым» – в том смысле, что он не только регулярно усваивает, причем не только в школе и в вузе, научное знание, но и постоянно осуществляет обыденное познание мира, которое имеет немало аналогий с научным познанием. Такой «наивный ученый» не моно-, а кроссдисциплинарен, он познает различные фрагменты окружающего его мира – как физические, так и социальные, осуществляя познание, релевантное самым различным научным дисциплинам. Но все же некоторые из них явно ближе и доступнее «наивному ученому», чем другие. Он, конечно, может ставить физические эксперименты, интуитивно фиксируя связь, например, между тем, взял ли он с собой зонт и пошел ли дождь, проводить химические опыты, скажем, смешивая в одном бокале различные спиртные напитки, или заниматься техническим экспериментированием, нажимая на кнопки имеющихся у него бытовых приборов не так, как предписано инструкциями. И все же области естественнонаучного, технического или социального познания куда менее доступны (а, например, в случае технического познания к тому же и небезопасны) для него, чем познание психологическое, реализуемое с помощью интроспекции, межличностного восприятия и т. д., и если «наивный ученый» лишь эпизодически проникает на «территории» других научных дисциплин, то с «территории» психологии он вообще не уходит. С этим связаны как настойчивые попытки отграничиться от обыденного опыта, сопровождающие психологию со времен ее формирования как науки, так и признание значимости этого опыта и его превращение в объект научного психологического изучения [25].

Психология более близка обыденному опыту, нежели любая другая научная дисциплина, чем паранаука не могла не воспользоваться. Любой представитель последней – это «наивный психолог», который постоянно осуществляет обыденное психологическое познание и, в результате, обладает опытом, который при желании, ввиду отсутствия жестких границ между научной психологией и обыденным опытом, можно выдать за научный. В итоге, паранаучные воззрения, проникающие на «территорию» психологии, часто имеют не собственно паранаучное, а житейское происхождение,

представляя собой опыт обыденного анализа психологических ситуаций, облаченный в паранаучные понятия.

Следует принять во внимание также интересы, причем не только материальные, тех личностей, которые подвизаются от имени паранауки,. Для большинства из них, формирующих свои интересы на tabula rasa (определенной профессии, как и сколь-либо серьезного образования у них, как правило, нет), психология намного интереснее, чем, скажем, филология, и именно в ней они начинают видеть, причем подчас вполне искренне, свое призвание. К тому же многие из них обращаются к психологии под влиянием собственных психологических проблем – личностных или межличностных, что создает для них еще одну точку притяжения к этой науке. Следует отметить и известную «вязкость» увлечений представителей паранауки, субъективную невозможность признания ими своих заблуждений, поскольку, как отмечает Е.Б. Александров, «в случаях добросовестного заблуждения это означало бы психологический крах, связанный с отказом от многолетних и, обычно, широко рекламируемых безмерных претензий, а в случае явного мошенничества влекло бы за собой даже уголовную ответственность» [9, с. 15].

Когнитивная незащищенность психологии от внешних воздействий органически дополняется ее социальной незащищенностью, отсутствием у психологического сообщества сколь-либо четких границ (сейчас кто только не объявляет себя психологом) и барьеров для «чужаков». В последние годы, например, отечественное психологическое сообщество становилось для них все более открытым, чему имелись три основные причины. Во-первых, девальвация психологического образования, появление наряду с «настоящим», получаемым посредством пятилетнего обучения в каком-либо вузе (правда, некоторые появившиеся у нас в последние годы вузы тоже трудно назвать «настоящими»), «ненастоящего» психологического образования, распространяемого всевозможными «сокращенными» психологическими курсами, часто организуемыми теми, кто сам закончил подобные курсы, а значит, тоже не имеет подлинного психологического образования. Во-вторых, неорганизованность психологического сообщества, его разобщенность на академических и практических психологов и прочие мало пересекающиеся между собой страты, отсутствие реально интегрирующих его организаций, способных выставить барьеры «чужакам». В-третьих, тот факт, что наше российское общество все еще пребывает в состоянии характерной для переходных времен социально-статусной анархии, выражающейся, в частности, в том, что сейчас любой гражданин имеет право создать собственную научную ассоциацию или академию вне зависимости от того, является ли он ученым и вообще умеет ли читать и писать. В подобных условиях любое дисциплинарное сообщество проницаемо для дилетантов, но психологическое сообщество, в силу сочетания данного обстоятельства с другими, вышеизложенными, находится в наиболее незащищенном положении.

Существует и ряд особых обстоятельств, связанных со спецификой развиваемых в психологии исследовательских областей, делающих ее особо привлекательной для паранауки. На «территории» психологии последняя

являет себя главным образом в виде парапсихологии, которую Е.Б. Александров характеризует как «вечнозеленое» направление в лженауке, связанное с «таинственными» явлениями психики и объединяющее «медиумизм», «ясновидение», «телепатию», «телекинез», «телепортацию», «левитацию» и пр. [9]. В ряду таких явлений следует упомянуть прежде всего исследования экстрасенсорного восприятия (ЭСВ), которые, будучи выполненными на строго научной основе, так и не дали однозначного ответа на вопрос о том, существует ЭСВ или нет (см. [26] и др.). Отсутствие однозначного, а значит, и отрицательного ответа паранаука, и вместе с ней и массовое сознание, поспешили расценить как ответ положительный (тот самый упомянутый выше случай, когда выдвинутые наукой *гипотезы* паранаука трансформирует в доказанные истины и даже в объяснительные принципы). В данной связи Е.Д. Эйдельман подмечает и такую тенденцию: «Сравнение, толкование, *само наименование предмета или явления фетишизируется, воспринимается лжеучеными как нечто реальное, например, имя – как реальная часть именуемого*. Таковы термины “торсионное поле”, “аура”, “биополе”…» [12, с. 81]. Аналогичная участь постигла и многие понятия, используемые психологами.

Такие области исследования, как изучение ЭСВ, являются пограничными между наукой и паранаунаукой и поэтому служат одним из главных каналов проникновения паранауки на «территорию» психологии. Причин привлекательности этой области для паранауки как минимум две. Во-первых, она очень интересна для обывателя, многократно обыграна в научно-технических романах и кинофильмах. В результате, когда представители паранауки подвизаются в этой области, они приобретают прекрасные возможности попасть в фокус общественных интересов, а следовательно, оказаться и в эпицентре финансовых потоков. Во-вторых, отсутствие однозначного ответа научной психологии на вопрос о том, возможно или невозможно ЭСВ, открывает широкий простор для легитимизации деятельности экстрасенсов. При этом многие материалистически настроенные люди тоже начинают верить в ЭСВ, во-видимому поддаваясь не прямому влиянию паранауки (они с нею, как правило, не вступают в прямые контакты), а воздействию СМИ, которые вносят немалый вклад в распространение этой веры.

Следует отметить и то обстоятельство, что ряд психологических теорий, прочно вошедших в ткань психологического знания, не выглядят строго научными. Ярким примером может служить концепция З. Фрейда, ни одно из базовых положений которой до сих пор не получило нормативного для строгой науки эмпирического подтверждения. Эта концепция широко опирается на метафоры и мифы, подобные мифам об Эдипе или Электре, которые в качестве оснований научного знания очень сомнительны. Подобные теории, признанные официальной психологической наукой, размывают в ней критерии научности, косвенно содействуя проникновению в нее и парапсихологических воззрений.

В современной западной и отечественной психологии, особенно в психологической и психотерапевтической практике, существует и ярко выраженная мода на порождения традиционной восточной науки, такие как пред-

ставления об ауре, чакрах и др. Даже получившие традиционное психологическое или медицинское образование психологи и психотерапевты часто прибегают к этим представлениям, используя их в своей терапевтической практике наряду со знанием официальной медицинской и психологической науки. В таких случаях проследить грань между наукой и паранаукой бывает очень сложно, поскольку в терапевтической практике последняя перемешана с первой. Сказывается и то хорошо известное в психологии обстоятельство, что достаточно эффективной может быть и практика, основанная на ложных воззрениях, ибо они часто дают терапевтический эффект – если пациент в них верит.

3. Критерии демаркации

В описанных условиях неудивительно, что ученые сейчас обнаруживают повышенную озабоченность демаркацией науки и паранауки, причем даже те из них, кто не принадлежит к числу «методологических ригористов» и придерживается либеральных постмодернистских стандартов.

На вопрос о критериях демаркации, поставленный в самом общем виде, даются два прямо противоположных ответа. Один состоит в том, что между наукой и паранаукой вообще не существует сколь-либо четких границ, и то, что́ на одном этапе развития познания считается паранаукой, может, как отдельные элементы алхимии или изучение «падающих с неба камней», быть признано наукой на *этапах последующих*. Второй ответ заключается в том, что демаркационные критерии между ними не только возможны, но и необходимы, а отсутствие таких критериев чревато не только эрозией науки, но и внесением полного хаоса в систему познания.

Основная часть научного сообщества, естественно, предпочитает второй вариант ответа. Но при этом демаркационная линия между наукой и паранаукой обычно прочерчивается интуитивно, а анафема последней выносится в соответствии с принципом: «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Соответствующая позиция выражает вполне здравое материалистическое сознание представителей научного сообщества, но при этом сама выглядит не вполне научно, делая критерии демаркации крайне неопределенными и не выходящими за пределы интуитивных представлений о том, что научно, а что – нет. Эти критерии при любом способе их выстраивания едва ли могут быть абсолютно строгими, но все же при перенесении вопроса из области интуитивных ощущений в более характерные для науковедческого анализа когнитивную и социальную плоскости научной деятельности становятся более ясными.

Поиск критерия демаркации в когнитивной плоскости эквивалентен поиску наиболее общего основания знания – критерия его рациональности, который позволил бы отличить науку от паранауки. Следует отметить, что, как правило, границу между наукой и паранаукой пытаются прочертить именно данным способом, при этом сталкиваясь с рядом трудноразрешимых проблем.

В современной методологии науки хорошо известно, что нормативные основания построения знания и общие критерии его рациональности

исторически изменчивы и релятивны. В частности, «никакой единственный идеал объяснения… не применим универсально ко всем наукам и во все времена» [27, с. 163]. Критерии рациональности обладают как «пространственной», так и «временной» изменчивостью. Их «пространственная» (или «географическая») изменчивость проявляется в том, что разные культуры вырабатывают разные критерии рациональности, наиболее яркой иллюстрацией чему могут служить западная и традиционная восточная, прежде всего индийская и китайская, наука. А «временная» релятивность этих критериев проступает, например, в том, что в истории западной науки отчетливо обозначаются три последовательно сменявших друг друга типа рациональности, которые В.С. Степин называет классической, неклассической и постнеклассической наукой [28]. А. Кромби, объединив два «измерения» рациональности, выделил в истории человечества ее шесть основных типов [29]. Видимо, их можно насчитать еще больше, или меньше – в зависимости от того, каким способом и на основании какого критерия выделять сами эти критерии. Но при любом способе их вычленения неизменным остается одно – невозможность обозначить некий неизменный и универсальный критерий рациональности, общий для всех времен и народов.

Если для науки прежних времен была характерной смена критериев рациональности, то для современной науки, переживающей вместе со всем современным миром интенсивный процесс глобализации, характерны их сосуществование и достаточная толерантность друг к другу. Так, например, для западных ученых единственно возможным видом науки долгое время была западная наука, а в конце XIX в. М. Вебер писал: «Только на Западе существует *наука* на той стадии развития, “значимость” которой мы признаем в настоящее время» [30, с. 44]. Однако в следующем веке западная наука признала восточную науку – причем именно в качестве науки, а не в качестве полезной, но ненаучной системы познания, и вообще в концу XX столетия сложилась подлинно интернациональная система познания, хотя и построенная, в основном, по западному образцу, но впитавшая в себя многие «восточные» элементы. Все это и привело к формированию постмодернистской методологии научного познания, одним из ключевых атрибутов которой является толерантность науки к самым различным системам познания, сколь бы непохожими на нее они ни были. Отмечается, в частности: «постнеклассическая наука становится важнейшим фактором кросскультурного взаимодействия Запада и Востока» [31, с. 117].

В условиях характерной для современной цивилизации размытости границ между научным и ненаучным, рациональным и иррациональным паранаука, естественно, чувствует себя очень вольготно. А когнитивная толерантность нашей цивилизации – признание самых различных форм познания – органически дополняет ее социальную толерантность, выражающуюся, например, в том, что современных колдунов не сжигают на кострах, как некогда делали на Западе, и не подвергают принудительному лечению, как когда-то поступали в нашей стране.

Сосуществование и легитимность различных критериев рациональности открывают перед паранаукой выбор среди этих критериев и предоставляют ей возможность тоже считаться рациональной системой познания, но толь-

ко «иной», нежели официальная наука. В частности, активное использование таких «сырых» понятий, как биополе, позволяет паранауке помещать в свои основания хотя и недоказанные и весьма сомнительные, но вполне материалистические представления и в результате выглядеть вполне рационалистически. А отчетливо наблюдающийся процесс «рационализации» паранауки, т. е. использование ею понятий и объяснительных принципов, весьма напоминающих понятийный аппарат рациональной науки, – это закономерный результат плюрализма критериев рациональности, среди которых всегда найдется критерий, позволяющий считать рациональной даже самую экзотичную систему представлений. В частности, как отмечает Е.Б. Александров, «базируясь на средневековых предрассудках, имея прямые корни в магии и оккультизме, лженаука немедленно берет на вооружение терминологию переднего края истинной науки, разглагольствуя о когерентности “биополей”, о голографическом принципе кодирования информации “аурой”, об информационном поле “кварк-глюонного конденсата”, о неисчерпаемых энергетических ресурсах “физического вакуума”, о полевой природе бессмертной жизни души и пр., и пр.» [9, с. 22].

Кредо «годится все» (everything goes), сформулированное П. Фейерабендом в качестве одного из главных принципов «методологического анархизма» [32], не только было использовано для «внутреннего пользования» самими учеными, но и вышло за пределы науки, послужив инверсии в нее самых разных ненаучных, в том числе и паранаучных, воззрений[17]. Это породило естественную защитную реакцию научного сообщества. В постмодернистской науке даже среди признанных «методологических либералов» стали распространяться опасения о том, «а не переборщили ли мы с этим либерализмом?», что привело к настойчивому поиску критериев, позволяющих различить, «что можно», а что, даже в предельно либеральной постмодернистской толерантной науке, «все-таки нельзя». И приходится признать, что нащупать эту грань в когнитивном поле науки пока не удалось, что неудивительно, поскольку, как свидетельствует история мысли, предельно либерализованные системы познания можно запретить извне, но их, как правило, уже не удается «ужесточить» изнутри.

Однако задачу демаркации науки и паранауки вполне возможно решить в другой – социальной – плоскости научного познания. В социальном плане ученый – это человек, *принадлежащий к научному сообществу*, т. е. в условиях современной, институционализированной науки получивший соответствующее образование, работающий в одном из научно-исследовательских или образовательных учреждений, имеющий публикации в научных журна-

[17] Поэтому неудивительно то раздражение, которое «анархистские» идеи этого исследователя науки вызвали у многих представителей научного сообщества. В.М. Аллахвердов, например, пишет: «П. Фейерабенд же – иногда кажется, что исключительно из желания сказать нечто несусветно неожиданное или даже из PR-соображений, – просто смешивает науку с грязью» [33, с. 262]; «г-н Фейрабенд, да простят меня его поклонники, имеет большой литературный талант, неплохое знание истории физики, но не имеет научной совести» [33, с. 260].

лах и т. п.[18] Не обладающего этими атрибутами человека мы вряд ли сочтем принадлежащим к научному сообществу вне зависимости от того, кем он сам себя ощущает и что именно – членство в каких мифических академиях, например, – обозначено на его визитке.

Паранаука, как было отмечено выше, сейчас явно копирует институциональную организацию науки, обрастая собственными институтами и академиями, обнаруживая большую любовь к ученым степеням и званиям, но она произрастает как совершенно иной социальный институт, имеющий мало общего с социальным институтом науки. И то, что представители паранауки выступают от имени того или иного НИИ или академии, как правило, имеющих очень экзотические названия, может ввести в заблуждение обывателя или журналиста, но не представителя научного сообщества, который знает или без труда может узнать, что соответствующего НИИ или академии в *науке* не существует. Подобную селективную функцию могут выполнять и публикации в научных журналах, выступления на научных конференциях и т. д. Наиболее естественной квинтэссенцией описанного служат автобиографии (CV) людей, занимающихся наукой. По автобиографиям, которые, конечно, можно сфальсифицировать, но можно и проверить, не всегда возможно оценить научный уровень ученого: много публикаций, например, может иметь и бездарность. Но автобиографии дают возможность безошибочно судить о том, принадлежит человек к научному сообществу или нет, и данный вид информации способен служить своего рода синтетическим социальным критерием принадлежности к науке. Кроме того, те, кто подвизается в сфере паранауки, как правило, имеют весьма специфические биографии, отмеченные непрофильным для занятия наукой образованием или отсутствием всякого образования, постоянной сменой самых разнообразных профессий, а нередко и парой-другой судимостей за мошенничество и т. п. Что еще больше облегчает демаркацию науки и паранауки по социальным критериям.

Социальные критерии демаркации исправно «работают» и в тех случаях, когда сами ученые предлагают идеи, на первый взгляд мало отличимые от паранаучных и отвергаемые основной частью научного сообщества как ненаучные. Таких идей в современной, постмодернистской, науке, где ученые все чаще отходят от традиционных стандартов научности, становится все больше. Например, их образцами, выращенными на почве психологической науки, служат психология души, христианская психология, психология молитвы и др. Но все же, наверное, наиболее яркий и приобретший наддисциплинарную известность пример такого рода – это теория, предложенная академиком А.Т. Фоменко и поставившая сообщество наших историков в очень сложное положение. С одной стороны, данную теорию это

---

[18] Основанный на всем этом критерий демаркации науки и псевдонауки предлагает, например, Е.Д.Эйдельман, разработавший соответствующую анкету [12]. По результатам такого анкетирования представители псевдонауки выглядят весьма специфически, в частности, уровень полученного ими образования часто носит «секретный» характер [12] – очевидно, неспроста; а, скажем, Г. Грабовому диплом «доктора физико-математических наук» выдан не ВАК, а некой «Высшей Межакадемической Аттестационной Комиссией».

сообщество не могло принять даже к обсуждению, ибо она подрывала не только привычные для него представления об истории, но и принятые в нем критерии рациональности. С другой стороны, ее автор, будучи академиком, не мог быть признан не-ученым, а предложенная им теория истолкована как лженаука или дилетантская чушь.

Такие ситуации, время от времени случающиеся в науке, обычно порождают у научного сообщества когнитивный диссонанс, который, как и классический когнитивный диссонанс, не только выражается в существовании внутренне противоречивых когнитивных структур (ученый разработал теорию, которая не является научной), но и стимулирующий настойчивые попытки его преодолеть [34]. В данной ситуации у научного сообщества есть два варианта преодоления диссонанса: 1) признать крамольную теорию хотя и очень спорной и, скорее всего, неверной, но все-таки научной (однако это потребовало бы отказа от привычных представлений о научности); 2) отлучить ученого-ренегата от научного сообщества за нарушение какой-либо из норм научной деятельности, например, за построение и проповедование ненаучной (эпитеты могут быть и другими: «лженаучной», «псевдонаучной», «антинаучной» и др.) теории[19]. Имеется и еще один вариант: простое игнорирование крамольной теории. В случае А. Т. Фоменко научное сообщество предпочло именно данный вариант как наиболее приемлемый, ибо как принятие этой теории, так и лишение академика его регалий вызвало бы большие сложности, нежели простое игнорирование его странных идей.

В принципе, эта, наиболее простая, наименее «затратная» и наименее конфликтная модель используется в большинстве диссонантных ситуаций, когда признанный и достаточно известный представитель научного сообщества предлагает явную нелепость, которую это сообщество не может принять. Однако в подобных случаях диссонанс сохраняется, и обычно используются дополнительные средства его «амортизации», например, путем объяснения поведения ученого-ренегата тем, что «с ними что-то не так», «он переутомился», «у него крыша поехала» и т. п. Таким образом диссонантные элементы ситуации выстраиваются во вполне консонантную и приемлемую для научного сообщества структуру: «имярек – безусловно, ученый, но он разработал ненаучную теорию из-за неких привходящих обстоятельств». Такие схемы редукции диссонанса используются во многих дисциплинах, позволяя примирить принадлежность «ренегатов» к научному сообществу с экзотическим характером выдвигаемых ими идей.

---

[19] Подобным образом, например, психологическое сообщество поступило с С. Бартом, который сначала был удостоен престижной премии Торндайка и посвящен в дворянство за серию работ о наследовании психологических качеств, а затем отлучен от науки, когда выяснилось, что он использовал такие приемы, как описание непроводившихся исследований, искажение действительных размеров выборок, публикация фиктивных данных под вымышленными именами. Окончательный вердикт вынесла Британская психологическая ассоциация: «Ни по своему темпераменту, ни по своей подготовке Барт не был ученым <…> его работы имели лишь форму научных, но далеко не всегда были таковыми по существу» [35, p. 80].

В результате экзотические идеи, предлагаемые учеными, отнюдь не смешиваются с паранаукой, а объявляются некими артефактами самой науки, и демаркационная линия между наукой и паранаукой отделяет от последней не только науку стандартного вида, но и то, что принято считать внутринаучной экзотикой. В данном случае эта линия проходит не через когнитивную, а через социальную плоскость научной деятельности: «экзотические» идеи, выдвигаемые членами научного сообщества, не принимаются официальной наукой, но и не причисляются ею к ведомству паранауки именно потому, что они выдвигаются *членами научного сообщества*, обладающими соответствующими атрибутами.

Здесь уместна аналогия с определением Т. Куном научной парадигмы (точнее, с *определениями*, поскольку их в его эпохальном труде «Структура научных революций» довольно много). Он задал понимание научной парадигмы как системы идей, разделяемой научным сообществом [36], определив когнитивный компонент научной деятельности через компонент социальный[20]. Нечто подобное можно сделать и в отношении науки в целом, определив ее как систему познания, осуществляемую *научным сообществом*. Тогда не принадлежащие к этому сообществу, в частности представители паранауки, окажутся за пределами науки – равно как и то, чем они занимаются.

В заключение следует отметить, что данный термин, особенно в его современном понимании, в которое включается деятельность хиромантов, колдунов и иже с ними, представляется неудачным. Возможно, все это пара-, но не наука. Паранаукой было бы уместнее именовать некую «обочину» научного познания, где находится описанная выше «научная экзотика»[21], которая действительно выглядит как когнитивная (но не социальная) прослойка между наукой и околонаучными системами воззрений, такими как религия, здравый смысл и др. Паранаука же в ее нынешнем виде требует другого и, возможно, менее уважительного обозначения, не содержащего даже намеков на сходство с наукой. Она – «совсем другое». «Никакой официальной [добавим – и неофициальной. – *А.Ю.*] науки не существует, есть только наука и не-наука» [5, с. 9].

Следует подчеркнуть и то, что всевозможная эзотерика приобрела столь значительный вес в нашем обществе, что при выработке официальной научной политики ее уже нельзя «не замечать». Эта политика должна включать три основных составляющих: 1) внутринаучную политику, предполагающую выработку стратегии развития научных институтов, интеграцию науки с практикой, с системой образования и др.; 2) принятие и реализацию

---

[20] Как известно, Т. Кун сделал и обратное – определил научное сообщество через парадигму, в результате чего его долго критиковали за то, что он создал «логический круг», который на самом деле скорее выглядят как «онтологический круг» – как двусторонняя и неразрывная связь соответствующих реалий.

[21] Собственно, таким и был исходный смысл этого термина, первоначально обозначавшего изучение непонятных и нетрадиционных для научного изучения явлений средствами *самой науки.* Например, научное изучения возможности экстрасенсорного восприятия профессиональными психологами. Но в дальнейшем смысл термина «паранаука» подвергся эрозии.

системы законов, стимулирующих развитие науки и наукоемкого производства; 3) перестройку всей системы взаимоотношений науки и нашего общества, предполагающей пропаганду достижений науки, выработку того, что раньше называлось «научным мировоззрением», рационализацию массового сознания и его «очистку» от влияния эзотерики. К сожалению, наша научная политика пока сводится преимущественно к первой составляющей, вторая декларируется, но не реализуется, а третья вообще игнорируется. В подобных условиях наука не может развиваться сколь-либо успешно, ведь для того, чтобы она развивалась, ей, помимо всего прочего, надо еще и «расчистить дорогу».

Литература

1. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007.
2. Sagan K. The Dragons of Eden. N. Y., 1977.
3. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М., 1989.
4. Ваганов А.Г. Научно-популярная литература и престиж науки в обществе // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. Вып. 2. С. 55–73.
5. В защиту науки. Альманах. Вып. 1. Предисловие. М., 2006. С. 3–10.
6. Ефремов Ю.Н., Полищук Р.Ф. Государство и лженаука // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 105–110.
7. Шуйкин Н.Н., Базян А.С. Патентный закон РФ способствует распространению «энергоинформационной терапии» // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 144–150.
8. Назад, в пещеры, можно вернуться и с карманным компьютером: Интервью с. В.Л. Гинзбургом // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 48–55.
9. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 14–29.
10. Александров Е.Б., Гинзбург В.Л., Кругляков Э.П., Фортов В.Е. Астрология добралась до правоохранительных органов // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 119–121.
11. Ефремов Ю.Н. Естествознание и квазифилософия // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 122–137.
12. Эйдельман Е.Д. Псевдоученые под микроскопом науки // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 68–84.
13. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Философия, наука, культура. М., 2008. С. 786–798.
14. Merton R. The sociology of science: Theoretical and empirical investigation. Chicago, 1973.
15. Фукуяма Ф. Почему мы должны беспокоиться // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 84–99.
16. Герцен А.И. Prolegomena // Русская идея. М., 1992. С. 118–128.
17. Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. М., 1992. С. 171–218.
18. Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993.

19. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 436–443.
20. Gavin W.J., Blakeley T.J. Russia and America: A philosophical comparison. Boston, 1976.
21. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Философия, Наука, культура. 2002. С. 416–425.
22. Свидерски Э.М. Эссе об интеллектуальных практиках: «социоморфы», советская социальная теория и философия // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 108–156.
23. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
24. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 6–107.
25. Heider F. The psychology of interpersonal relations. N. Y., 1958.
26. Хензел Ч. Парапсихология. М., 1974.
27. Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
28. Степин В.С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 152–166.
29. Crombie A.C. Of what is the history of science the history // History of European ideas. 1986. V. 7. № 1. P. 21–31.
30. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
31. Теория и практика экономики и социологии знания. М., 2007.
32. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
33. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
34. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957.
35. Gieryn T.F., Figert A.E. Scientists protect their cognitive authority: The status degradation ceremony of sir Cyril Burt // The knowledge society. Dordrecht, 1986. P. 67–86.
36. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.